

Плѣненная культура

Культура до нашего времени была произвольным, чисто стихийным продуктом духовной жизни человека. В ростъ и развитіе ея основныхъ вѣтвей не было никакого предустановленнаго плана, никакого социально-организованнаго намѣренія. Если гдѣ, дѣйствительно, умѣстно сравненіе социальной и коллективной жизни человека с естественным организмом, то прежде всего в области исторіи и развитія культуры. И только в наши дни — в Россіи и в тоталитарныхъ государствахъ Запада — культура становится продуктомъ намѣренной, плановой государственной дѣятельности. Государство притязаетъ быть главной двигательной силой совѣтской «пролеткультуры», также, какъ культуры націонал-соціалистической или фашистской. Государство, которое само является вѣтвью культуры, начинаетъ взирать на культуру, какъ на свою производную часть, какъ на свое порожденіе, свое дѣтище. Культура попадаетъ в плѣнъ къ государству — плѣнъ, какъ мы увидимъ, тяжелый и жестокий. Состояніе плѣненной культуры в Россіи пытается изобразить эта статья.

I. ВЕЛИКІЙ ПОГРОМ

Совѣтское государство, принявшее на себя миссію организаціи новой «соціалистической» культуры и созданія новаго человека, было политическимъ образованіемъ, зачатымъ в эпоху революціи, в революціи родившемся и ею вскормленнымъ. «Организація» новой «соціалистической» культуры началась с разрушенія старой, «буржуазной», «помѣщичьей и царистской». Разрушеніе это было проведено в масштабахъ невиданныхъ и небывалыхъ. Давно сказано, что Россія — страна деревянная, не каменная, и разрушительные процессы текутъ здѣсь легко и свободно. Кроме того ставшая у власти коммунистическая партія горѣла острой ненавистью къ прошлому и не высоко цѣнила русскую культуру. Несмотря на извѣстныя слова Ленина «о великомъ русскомъ языкѣ», средній типъ большевистскаго интеллигента

считал все наше прошлое продуктом «русско-монгольского варварства». Еще нѣсколько лѣтъ тому назад небезызвѣстный Радек с одобрѣніем цитировал Герцена, сказавшаго при первом посѣщеніи Кельна: «каждый камень этого города имѣет **большую** культурную исторію, чѣм все зданіе царской Россіи»... В этом же смыслѣ писал и Бухарин по случаю перестройки старой Москвы и замѣны ея старины американскими небоскребами. Эти настроянія были едва ли не преобладающими у старых большевиков, и они отмѣнены только два-три года тому назад — с выступленіем на совѣтскую сцену новаго націонализма и патриотизма. Оттого первые годы, даже первые три пятилѣтія исторіи совѣтскаго государства, стоят под знаком истребленія всего историческаго прошлаго Россіи. Разрушеніе старой русской культуры проводилось по трем основным направленіям: уничтоженію и истребленію подвергся прежде всего старый правящій слой Россіи, который, как бы мы к нему не относились, был носителем и выразителем старых русских культурных традицій: помѣстно-дворянскій класс, буржуазія, духовенство, старая бюрократія и специфически «русскій продукт», так называемая «интеллигенція». Значительные кадры этого правящаго слоя были физически уничтожены, другіе покинули Россію послѣ гражданской войны, третьи, избѣгшіе физической смерти и начавшіе работать с большевиками, погибли в результатѣ послѣдующих гоненій. И за послѣдніе годы истребленію подверглась даже та часть старой интеллигенціи, которая составляла «гвардію» русскаго коммунизма. Истребительный процесс коснулся, далѣе, «объективной» стороны русской культуры, ея памятников, ея матеріальной базы. Коммунистическая власть в теченіе двадцатилѣтія ея владычества над Россіей «показала себя ожесточенным и ни перед чѣм не останавливающимся разрушителем дѣятѣйших памятников матеріальной культуры. Она не сумѣла сберечь народное добро, перешедшее в ея руки».* Разрушались зданія, церкви, памятники и даже эстетическіе облики дѣлхъ городов. Разбазаривались музеи и хранилища старины. Презиралось все то, что было создано «націей Обломовых» и что носило печать стараго, проклятаго міра, и процесс этот не окончился даже теперь, в эру «совѣтскаго націонализма».

* Слова П. Н. Савицкаго: «Разрушающіе свою родину. Снос памятников искусства и распродажа музеев СССР, 1936», гдѣ собран богатѣйшій матеріал, характеризующій этот разрушительный процесс. См. того же автора «Гибель и воссозданіе неоцѣнимых сокровищ», 1937.

Наконец, постепенному вытравленію подвергся самый дух старой русской культуры во всѣх его сложных проявленіях. Опыту вытравленія подверглись такіе сферы духовной жизни, как религія, связанная с нею теологическая мысль, русская философія религіозная и нерелигіозная, за исключеніем марксистской. Но и эта послѣдняя, начавшаяся было развиваться в первое десятилѣтіе совѣтской диктатуры, теперь подверглась чисткѣ и истребленію. Цѣликом вытравлены и истреблены тѣ науки, которыя носят имя «гуманитарных» и «соціальных». Не существует русской психологіи, и все то, что сдѣлано в этой области на Западѣ, весь процесс так называемаго «открытія души» в новѣйшей аналитической школѣ (Фрейд, Адлер, Юнг и др.), считается проявленіем реакціи, продуктом разлагающагося капитализма. Ничего не осталось от русской социологіи, политической экономіи, за исключеніем мало стоящих марксистских популяризацій. Сейчас разгромлена совѣтская юриспруденція, и ея выдвинувшихся представителей (Пашуканиса, Коровина) предали тяжким обвиненіям в двурушничествѣ и троцкизмѣ. Ничего не осталось от русской философіи права и этики — мѣста их заняты, по собственному признанію коммунистов, нигуда негодными учебниками діамата (См. статью М. Митина, «Об учебниках по діалектическому и историческому матеріализму» в № 12 «Большевика» с. г.). Старая русская историческая наука была в свое время истреблена М. Н. Покровским и его школой, которые нынѣ в свою очередь подверглись разгрому и истребленію. На мѣстѣ русской исторіи, когда то блиставшей именами и талантами — нынѣ ласящее пустое мѣсто, которое Сталин хочет заполнить жиденькими учебниками, вродѣ недавно изданнаго Шестакова. Относительно менѣе пострадало естествознаніе, но и здѣсь уцѣлѣли опредѣленные тенденціи и истреблено все, им противорѣчащее. Акад. Павлов культивировался только потому, что его ученіе о рефлексах казалосъ способствующим процвѣтанію матеріализма и упраздняющим всякія размысленія о «душѣ». Идеи таких видных біологов, как Берга, Гурвича — в загонѣ и опалѣ, ибо витализм взят на подозрѣніе и признан реакціонным. «Наша сила в том, — пишет акад. Т. Лысенко (окончившій в 1925 г. Кіевскій Университет и удачно работавшій в области вывода новых пород кормовых злаков), — что мы в своей работѣ руководимся дарвинизмом, руководимся великой теоріей Маркса-Энгельса-Сталина. Если отнять у нас все это, мы станем безсильными». Как будто нельзя заниматься выводом новых растений или зоотехникой, пользуясь не разжиженным толкованіем дарвинизма, а принципами менделизма или ламаркизма. До-

стойно особаго вниманія, что наука столь революціонизированнаго общества, как совѣтско-коммунистическое, в научных воззрѣніях своих проявляет рѣшительный консерватизм. Проф. Коровин гдѣ десять тому назад защищал в международном правѣ классическую теорію государственнаго суверенитета в смыслѣ Жана Бодена, идеолога абсолютной монархіи 16-го вѣка. В 1937 году нѣкій В. Е. Львов из всѣх своих сил старается взять под свою защиту старую гипотезу міроздавія Канта-Лапласа против новых теорій Леметра, Джинса и др. «На склонѣ гдѣ своих реакціонная буржуазія, — пишет он, — сняв с коти-ровки Дарвина и Лапласа, пошла играть à la haute на Джинса», этого «кумира кембриджских снобов и либеральных московских редакторов из ОНТИ». («Звѣзда», № 7). Кстати сказать, книга Джинса «Движеніе міров» переведена на русскій языкъ и издана в Москвѣ в переработкѣ для дѣтей — причем из нея выпущено все то, что «заподозривается в идеализмѣ»...

II. ЛЕВИАФАН, КАК ЗИЖДИТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ

Произведя великія разрушенія, коммунистическое государство стало строить свою, новую «соціалистическую» культуру. И здѣсь обнаружались явленія, которыя заслуживают быть особо отмѣченными и освѣщенными. Основная черта всякаго культурнаго дѣлага, попавшаго в государственнѣй плѣн, сводится к политизаціи всѣх основных вѣтвей культуры. Государство, считающее себя монополистом всякаго культурнаго творчества, неизбѣжно смотрит на культурныя дѣбности, как на нѣчто, не себѣ довлѣющее, но подчиненное государственному интересу. Государственная дѣль, так называемый «Staatsraison», становится основным фактором, опредѣляющим жизнь и развитіе культуры. Явленія политизаціи культуры мы находим во всѣх тоталитарных режимах, но классическаго своего выраженія они достигли в совѣтской Россіи. Принцип политизаціи объявлен здѣсь в качествѣ официальной нормы. Цитируем передовую «Извѣстій» (30 сент. с. г.): «Можно ли отдѣлать поведеніе человѣка, гдѣ бы он ни находился — на работѣ, в семьѣ, в кругу друзей — его быт от политических убѣжденій? Для большевика это не мыслимо. Большевикская идеяность не терпит такого разрыва». «Большевики знают, — сказал писатель А. Фадѣев при обсужденіи романа Панферова «Творчество», — что политика это прежде всего миллионы живых людей». Можно было бы пародировать: «большевики не знают, что миллионы людей могут жить и не вовлеченными дѣльком — в семьѣ, на работѣ, в круту друзей — в политику».

Даже такая область культуры, как нравственность, в которой нельзя избѣжать момента чисто личной ответственности за содѣянное, личнаго отношенія къ свершаемому — становится здѣсь областью политики. Анна Караваева в разсказѣ «Восхожденіе» («Красная Гвардія», кн. 8), написанном на специальное задание, — в разсказѣ, гдѣ альпинистскія упражненія комсомольцев превращены в символ духовнаго «восхожденія» совѣтскаго человѣка — заставляя одного из своих героев произнести слѣдующія слова: «Да пойми же ты, Митя, нравственность у нас тоже политическая. Я шершаво выражаюсь — это от волненія»...

В совѣтской Россіи, да и в эмиграціи, много говорили о «соціальном заказѣ». Понятіе не вполне точное и не выражающее тѣх явленій, которыя имѣют мѣсто в совѣтской жизни. В «соціальном заказѣ», самом по себѣ, нѣтъ ничего страшнаго, коверкающаго человѣческую личность, безцеремонно вторгающагося в индивидуальное творчество. Если какая-либо академія наук или ученое общество объявляет премію или дает стипендію на выполненіе каких-либо специальных, в извѣстном планѣ выработанных заданий — это вѣдь тоже «соціальный заказ», против котораго никто не будет возражать. И, именно, заказ соціальный, а не политическій. Бѣда в том, что в совѣтской жизни каждый «соціальный заказ» превращается в государственно-политическій акт. Заказ становится приказом. И тѣ, которые приказа не исполняют, подлежат государственному воздѣйствію и принужденію. Поневолѣ культура пріобрѣтает при этом характер «приказный», бюрократическій. Читая многое, что написано в «приказной» атмосферѣ совѣтской культуры, вспоминаешь о самых темных задворках государственной жизни, и жестокое слово навертывается на уста при мысли о всѣх этих писаках и «культурных» зиждителях, заполняющих столбцы газет и славословящих Сталина: поистинѣ, «приказныя строки», за гроши пишущіе и пляшущіе. «Приказная» культура по внутреннему содержанію своему есть культура напыщенная, фальшивая, лишенная подлинности, ипокритическая. Она лишена ощущенія культурной правды — и потому так трудно в совѣтской жизни отличать «притворство», «подхалимаж», от подлиннаго выраженія извѣстных культурных настроеній и чувств. Оттого так легко представители совѣтскаго культурнаго творчества мѣняют свои взгляды, признают свои ошибки, каются и начинают снова писать и творить по заказу. Думается, вся горькая юмористика этого положенія не скрыта от самих совѣтских людей. В книгѣ № 5 «Красной Нови», в отдѣлѣ «Из литературнаго дневника», читаем слѣдующее стихотвореніе, напечатанное под эпитафой, взятым из «Литературной Газеты»:

«Настоящим считаю необходимым совершенно ясно и открыто признать, что написанный мною совместно с писателем имярек «роман» является произведением халтурным. Я сдѣлал недобросовѣстную работу. Больше так работать не буду»:

СООБЩАЮ читательским массам,
Что «роман», именуемый «Квасом»,
Я писал в состояніи бреда,
Подстрекаемый пьяным собесѣдом.

ПРИЗЫВАЮ вас: будьте культурны —
Не читайте «роман» мой халтурный и т. д.

Подлинно «горькій смѣх»... И смѣх этот должен сопровождаться еще пляской. «Приказная» культура пляшет и радуется по указкѣ, прославляет «веселую и счастливую жизнь». Весь совѣтскій быт строится нынѣ по извѣстному методу Д-ра Куэ: «Tout va très bien». Горькую иронию совѣтскаго «куэизма» также ощущает совѣтскій человѣкъ. В цитированной книгѣ «Красной Нови» помѣщен перевод извѣстной, нынѣ вышедшей уже из моды французской пѣсенки: «Tout va très bien, madame la marquise» со слѣдующим, занятным примѣчаніем редакціи:

«Широко популярна во Франціи пѣсня «Tout va très bien». Веселая парижская толпа хором распѣвает ее, встрѣчая фашистов и на смерть перепуганных побѣдой народнаго фронта французских буржуа. Сюжет пѣсни, встрѣчающійся в фольклорных записях многих народов, сатирически заострен по опредѣленному адресу, и притѣв: «Tout va très bien, madame la marquise» стал во Франціи лозунгом издѣвки над фашистами и буржуа. Не сомнѣваемся, что она будет распѣваться и у нас, тѣм болѣе, что мы скоро услышим ее в исполненіи замѣчательнаго мастера джаза, Л. О. Утесова».

Алло, Алло, Джемс. Какія вѣсти?
Давно я дома не была.
Пятнадцать дней, как я в отъѣздѣ.
Ну, как идет у вас дѣла?

— Все хорошо, прекрасная маркиза.
Дѣла идут, и жизнь легка.
Ни одного печальнаго сюрприза,
За исключеніем пустяка.

Так... ерунда...
 пустое дѣло...
 Кобыла ваша околѣла.

А в остальном, прекрасная маркиза,
 Все хорошо, все хорошо...

И так далѣе, послѣдовательно, стораает конюшня, стораает помѣстье, струбляется от горя сам маркиз — «а в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо»... Трудно сказать, над кѣм издѣвается журнал, над «счастливой ли жизнью», или над невѣжеством читателя, или над топорным пріемом политики все сваливать на фашистов, или над неувязками и вредительствами, которыми полна планированная жизнь, над тысячами дѣйствительно заморенных кобыл и коров в деревнѣ...

«Приказная» культура по характеру продуктов культурнаго творчества является культурой, лишенной; индивидуальности, штампованной, стандартизованной. На мѣсто живых продуктов человеческого духа возникают здѣсь заказные шаблоны, трафареты, «отвратительные штампы» (совѣтское выраженіе)... Всего ярче чувствуется это в изящной литературѣ, также как в газетѣ, в политических статьях, в фельетонах. И это не скрыто от совѣтскаго человѣка. «Один из наших журналов, — пишет в № 6 «Литературнаго Наслѣдства» В. Конторович, — слѣдующим образом пародійно изложил «отработанный» сюжет этих «стандартных» очерков:

КРАСНЫЙ АСКЕТ

Директор строительства. Неслыханные темпы работы. Тринадцать дней не почевал дома. Спал урывками в кабинетѣ экскаватора «Маріон». Жена предъявляет ультиматум. Директор является, наконец, домой. Супружеская кровать. Присаживается на секунду, чтобы разсказать о героизмѣ бригады желѣзобетонщиков, и засыпает мертвым сном в сапогах и полушубкѣ. Разбудить его в силах только звонок диспетчера об аваріи в котловинѣ».

Но такими стандартами и штампами полна совѣтская литература. Прочтите, налримвр, что пишут совѣтскія газеты о совѣтской женщинѣ — о колхозницѣ из какого-нибудь Дагестана, явившейся на съѣзд в Москву и удостоившейся высочайшаго разговора. Существует подобный штамп совѣтскаго рабочего,

совѣтскаго студента, совѣтскаго ученаго, краснаго командира и т. д. Существует трафаретная картинка вредителя, троцкиста, стандартный образец самокритики, раскаянія... Кажется, что существует какой то огромный совѣтскій «центральный», в котором продуцируются подобные образцы на всѣ возможные случаи жизни. Потом они распространяются на одной шестой свѣта и примѣняются к разным конкретным обстоятельствам. Совѣзм как тот извѣстный нѣмецкій «коричневый соус», который одинаково безвкусен в Бреславлѣ, в Кельнѣ, в Ганноверѣ и под которым подается любое мясо и любая дичь.

Качество штампованной продукціи зависит от вкуса заказчика. Но заказчик то — человек довольно безвкусный. Поэтому он терпит, когда штампованный товар проникает даже в «изящную литературу». Трудно удержаться, чтобы не привести хотя бы одного примѣра. Та же, уже нам извѣстная колхозница. Кремлевскій дворец. Она выбирается в председатели съезда. Сначала стѣсняется, потом вдруг одухотворяется непонятной силой. То — Сталин вошел в зал, незамѣтно, невидимо. Сила — гипнотическая, дѣйствует на разстояніи... Конец засѣданія, милостивый разговор с вождем. Даже руку пожал. «Вбѣжала я в раздѣлочно молода-молодешенька, и, видно, такое лицо у меня было, что всѣ на меня оглядывались... Вдруг глянула я в зеркало, фу, как нехорошо: на ногах то у меня старенькіе сапоженки с заплатками... Тыфу, стою я перед зеркалом, корю себя на чем свѣтъ стоит и воображаю: чтобы это я в лаковых туфлях шла, то-то бы товарищ Сталин, головушка наша золотая, лишній раз порадовался: вот, мол, как наши колхозницы живут, культуру уважают... (Вышецитированный рассказ Анны Караваевой в «Молодой Гвардіи»).

III. СОВѢТСКІЯ БУДНИ

Среди всего этого официальнаго пафоса, этих безвкусных макет, безсовѣстных восхваленій совѣтской жизни и ея вождя, непревзойденнаго подхалимажа, наблюдателя и изслѣдователя наталкивается на отдѣльныя картины, которыя дышат правдой, рисуют подлинный быт, повседневное лицо обычных «дѣл и дней» совѣтскаго человека. В книгѣ 7 и 8 «Красной Нови» А. Макаренко опубликовал ряд очерков под общим названіем «Книга для родителей». Это — в литературной формѣ изложенныя разсужденія о воспитаніи совѣтской молодежи. Среди них — ряд подлинных картин, списанных с жизни и, по всѣм видимостям, не сочиненных, хотя бы в основном, в главном. Педагогическія мысли автора нас здѣсь не интересуют, что же

касается картин и бытовых сцен, то в них много примѣчательнаго. Из них мы начинаем понимать, что же такое настоящія совѣтскія будни.

Поражает прежде всего неравенство в строеніи «соціалистическаго общества», его своеобразный классовый характер. Оказывается, что так называемое «безклассовое общество» есть образованіе, соціально дифференцированное, — в нем есть свои «богатые» и «бѣдные», свои «ликующіе и праздно болтающіе» и свои «погибающіе». Полюбуйтесь, напримѣр, на слѣдующую картину и повѣрьте, что она списана с совѣтскаго быта и нарисована не бѣлогвардейцем и не «троцкистским отребьем», а писателем сталинскаго направленія, пока еще не разжалованнаго и ни в чем не провинившагося.

«Книги, книги, книги до потолка. Дорогія имена на великолѣпных корешках. Огромный письменный стол. На столѣ тоже книги, монументальный саркофаг чернильницы, сфинксы, медвѣди, подсвѣчники.

В этом кабинетѣ жизнь кипит, книги не только стоят на полках, а и шелестят в руках, газеты не только валяются между диванными подушками, а и распластываются перед глазами; здѣсь событія обсуждаются, здѣсь событія живут — в интонаціях, украшенных тонкими знаніями.

А между событіями, растворенные в табачном дымѣ, ходят по кабинету лысины и прически, бритые подбородки, американскіе усики, янтарные мундштуки, и в рамках роговых оправ смотрят глаза, увлажненные росой остроумія.

В просторной столовой чай подается — не старомодный самоварный чай, не ради насыщенія, а чай утонченный, почти символическій, украшенный фарфором, кружевными салфетками и строгими орнаментами аскетическаго печенья. Чутьочку томная, немножко наивная, изысканно рыженькая хозяйка балованными, манящими пальчиками дирижирует чаем...

Да уж не в московском ли мы салонѣ перед 1914 годом? На засѣданіи религиозно-философскаго общества или в редакціи «Русских Вѣдомостей?». Гдѣ-нибудь на Воздвиженкѣ или на Новинском? А вот — другая сцена, с Шаболовки или Новой Деревни:

«Впереди шли двѣ подводы. На них преобладала «барахлишко», только на первой сидѣл знаменосец, а на второй двое дѣтей поменьше. «Барахлишко» состояло из вещей малаго размѣра, за исключением шкафчика, установленнаго на первой подводѣ в самом ея центрѣ... Это был кухонный шкафчик — одно из самых счастливых изобрѣтеній человѣчества — шкафчик, но в тоже время и стол...

Рядом со второй подводой шла дѣвушка лѣтъ семнадцати, в стареньком потемнѣвшем ситцевом платицѣ, бо-сиком и с непокрытой головой. Видно было, что она всегда так ходила».

Для нас неважно, что на автора эта вторая совѣтская семья произвела болѣе приятное впечатлѣніе, чѣм первая; и что в ней он видит здоровыя начала совѣтской семьи, которая, по Аристотелю, была первичной ячейкой всякаго общества и, по мнѣнію автора, должна стать ею в обществѣ коммунистическом. Для нас важна та огромная социальная дистанція, которая отдѣляет первую семью от второй. Разница быта их, которая существовала при старом режимѣ и теперь существовать продолжает. Мы подходим сейчас к «экономической базѣ» совѣтской культуры, к тому «бытію», которое, по извѣстному ученію, ставшему в Россіи официальной доктриной, «опредѣляет сознаніе и отражается в «идеологіях».

«Деньги!» — восклицает автор. «Из всѣх изобрѣтеній человѣчества — это изобрѣтеніе ближе всѣх стояло к дьяволу. Ни в чем другом не было такого простора для приложенія подлости и обмана, и, поэтому, ни в какой другой области не было такой благодатной почвы для произростанія ханжества»... Нѣкая неумѣстность подобнаго разсужденія коробит потому, что совѣтскій «соціализм» не только не сумѣл свергнуть власть «тельца златога», но, напротив, послѣ нѣкоторых очень неуѣренных опытов в этом направленіи, произведенных в період своей незрѣлой юности, ввел деньги в свой повседневный обиход, сдѣлал их одной из основ всей своей социальнo-экономической жизни. Совѣтская культура насквозь проникнута пого-ней за деньгами и своеобразной властью денег — не властью скопленных в одних руках денежных масс над неимущими, но властью, вытекающей из необходимости имѣть деньги, покупать, зарабатывать и без денег умирать с голоду. Той властью денег, которую чувствует каждый, когда не имѣет их и бьется их достать, и суетно считает оставшіеся гроши, и тянет ежеднев-

ную лямку ницеты, и развѣдает душу непрестанной заботой. Та «Frau Sorge», которая не умерла и в Совѣтском Союзѣ, которая там здравствует и процвѣтает.

- Папа, дайте двадцать копѣек.
- Зачѣм тебѣ?
- Тетрадку нужно купить.
- Какую тетрадку?
- По арифметикѣ.
- Развѣ уже исписалась?
- Там... на один урок осталось...
- Я завтра куплю тебѣ двѣ тетради.

(Из того же автора)

Зачѣм идет просьба на билет в кино, потом на трамвай...

«Николай Николаевич подходит к шкафику, достает из кармана ключи, отпирает замок ящика, что то перекладывает, запирает ящик и кладет на стол ровно рубль семьдесят копѣек. Сын пересчитывает деньги, говорит спасибо и уходит. Вся эта операція продолжается минуты три, и за это время лицо мальчика успѣвает постепенно налиться кровью, которая к концу операціи захватывает даже кончики ушей. Я замѣтил, что количество крови находится в обратной пропорціи к величинѣ испрашиваемой суммы»...

Но бывають еще болѣе выразительныя сцены. Автор подробно описывает семью, гдѣ дѣти уже не просят, а просто обирают родителей, почти что дерутся из за добычи, а бѣдный отец, Никита Константинович, меланхолично смотрит на буфетный ящик, гдѣ хранятся капиталы и ведет с женой слѣдующія рѣчи:

«Слушай, Дуся, денег уже нѣтъ... А до получки еще пять дней... Как же?..». — «Дуся» в отвѣт: — «Деньги дѣти взяли... им нужно было...». Автор рисует коллективный тип совѣтскаго мальчика, Коли, и морализирует: «Из этих мальчиков рѣдко получается какой-нибудь толк. Такіе, как Коля, прежде всего насилиники, пусть в самой малой дозѣ. Они подавляют своими требованіями сначала отца или мать, потом приступают с пожом к горлу к представителям государственнаго учреждения и здѣсь настойчиво ведут свою линію, подкрѣпляя ее вѣстм, что попадетс под руку: жалобой, слезой, игрой, нахальством»...

Коммунистическая партія и совѣтская власть радикально передѣляли экономику Россіи. На мѣсто частнаго хозяйства построен гигантскій коллективизированный аппарат государствен-

наго хозяйства. Трудно представить большей революціи, чѣм та, которую испытала «экономическая база». А вот «надстройка» измѣнилась ли пропорціонально?... Измѣнился ли адекватно «бытъ», преобразовалось ли «сознаніе»? Думается, что каждый честный наблюдатель скажет, что нѣтъ, не преобразовались, не перемѣнились. Совѣтская «соціалистическая» культура повелительно требует измѣненія человѣческаго «сознанія», как проблемы, независимой от экономики.

IV. НЕУКРОЩЕННАЯ СТИХІЯ

За буднями совѣтской культуры, за мелочами совѣтской жизни не нужно забывать огромности и своеобразной величавости происходящих в Россіи процессов. Дѣло вѣдь идет об огромном пожарѣ, вспыхнувшем на одной шестой земли и озарившем пламенем весь остальной мір. Современная Россія не изжила еще настроеній революціи, не перегорѣла в ней и не обратился в пепел революціонный пылъ. И нельзя все, что говорится в ней о революціи и поется о ней, отнести только къ одному бездушно-официальному пафосу. Звучат еще там слова поэта Хлѣбникова: «Ставят новую правду зодчіе наши, на новых основах»... И ставят они ее на великих пространствах — от Памира и до якутских тундр, от Великаго Океана до европейских западных границ:

Небо опрокинуто корытом.
Смѣлый день выходит на Памир.
Кончено, повѣнчано, покрыто...
Люди перестраивают мір.

(А. Прокофьев)

Молодость чувствуется в русской пореволюціонной культурѣ — безумный юношескій порыв. Современная Россія — страна молодежи, и сама она какая то молодая. Только молодость может так рьяно бороться с вѣрой в Бога, так настойчиво отрицать, так наивно вѣрить. «Много лѣтъ тому назад жил-былъ один молодой Союз. Он назывался Соединенные Штаты. У Союза была такая же дикая, богатая, незаселенная плодоносная неизвѣстная земля, как у нас, и ее называли в Соединенных Штатах «Западом». О «Западѣ» писались тогдашнія книги, были замѣчательные писатели. Брет-Гарта знает, напримѣр, весь мір. На Запад шли смѣльчаки, там были ковбои, преріи, индѣйцы, золото, приключенія... Люди были — «сбород»; неграмотный рудокоп женился на лэди, тонкая образованная учи-

тельница спасала пьяницу»... (Маргарита Шагинян по поводу писателя Павленко). Приведенныя слова сказаны о русском Дальнем Востоке, но их по праву можно примѣнить и ко всему СССР, по крайней мѣрѣ к его окраинам — к Кавказу, Туркестану, к Сѣверу, к Сибири. Молодой Союз и молодые народы!.. И люди — смѣсь, «сборъ» — племенной и социальный. «Какая смѣсь одежд и лиц, племен, нарѣчій, состояній!». «В Красной Арміи, — пишет Лужницкій, — огромное количество командиров русских и украинских частей — националы: таджики, казаки, узбеки, грузины, представители людей из малых национальностей». (Люди национальных окраин, «Литературное Наслѣдство», кн. 5). Советская культура несет в себѣ подлинную евразійскую стихію — она «национальное цѣлое на многонациональной основѣ». Такую смѣсь, как правильно замѣчает автор, трудно встрѣтить в арміях других стран — и не потому, что, как думает Лужницкій, онѣ «буржуазны», но потому, что російскій культурный мѣр сдѣлан из особаго человеческого матеріала. Какіе при этом тут родились характеры, какіе типы!.. Родились в раскатах міровой войны, в ужасах войны гражданской и военного коммунизма.

Вся юность моя под особенным знаком —
 По синим степям, по лѣсным буеракам,
 Повсюду, гдѣ дальнія тучи в огнѣ,
 Гдѣ дымное облако бродит степями,
 Гдѣ красное знамя горит над полками
 И спит комиссар на усталом конѣ.

(В. Саянов)

И нѣтъ ничего удивительнаго, что подобной юности нравится бурная эпоха, в которой она живет. «Влажен, кто побѣдил сей мѣр в его минуты роковыя» — этот мотив, как эхо, повторяется в советской поэзии. В. Саянов сравнивает эпоху с диким «орлиным пиром».

Плывут облака издалека,
 Сдѣтя проходят года.
 Как будто орлиное око,
 Глядит, не мигая, звѣзда.

Какіе в горах перевалы,
 Какой на взгорьи простор.
 Там в полночь орлы пировали
 И медленно падали с гор.

Гдѣ рос на тропѣ приворотникъ,
 Къ широкому камню склоняясь,
 Случайно увидѣл охотникъ
 Орлинаго пиршества часъ.

Такое могущество силы,
 Такое судьбы торжество...

И память о том сохранили
 Веселья пѣсни его...

И не фальшиво, думается, звучат для людей этих пѣсни о революціонной борьбѣ, о прошлых битвах, о той «славѣ революціи», которая для нас, эмигрантов, является позором. Здѣсь есть нѣчто несоизмѣримое между совѣтской душой и эмигрантской, которая никогда первую не поймет, в ея революціонном, нѣтъ, может быть, уже угасающем пафосѣ.

Ты, братва, тяни веревку,
 Перехватывай стрѣлой.
 Правьте Питеру в середку
 Прямо в Зимній головой.
 Скоро, скоро мы причалим,
 Питер город повстрѣчаем,
 Пушки в точку наведем,
 Сами на берег пойдём...

(И. Френкель)

По характеру своему совѣтскій человѣкъ принадлежит к типу людей, прошедших, как говорится, «огонь и мѣдныя трубы». Как, наприимѣр, Термигелей Нургазин, котораго с натуры, может быть в прикрашенной стилизаціи, изображает Лукницкій в вышеупомянутых очерках. Это — бывший бродяга, чуть не ставшій муллой, картежник, вор, конокрад. Сейчас он вот что о себѣ пишет: «Сейчас я не ограничиваюсь учебой. Меня очень сильно занимают вопросы международной политики, проблемы завоеванія стратосферы и разложенія атомнаго ядра, великія историческія эпохи, жизнь знаменитых личностей... Мнѣ знакомы имена Аристотеля, Бэкона, Ньютона, Моцарта, Бетховена и других великих людей. Я вдумываюсь в образы этих титанов, создавших цѣлыя эпохи в философіи, наукѣ, музыкѣ. Я люблю музыку и, кромѣ національных инструментов, сам играю на скрипкѣ. Когда то мнѣ нравилось убогое веселіе аула; живя в аулѣ, я складывал безпомощно стихи, импрови-

зировав. Когда я впервые попал в Маринскій театр и слушал «Риголетто», я ничего не понял. Мнѣ в тѣ дни правился только джаз — там было больше восточных мотивов... Сейчас я постоянный слушатель Филармоніи и Маринскаго театра... В будущем я желаю стать журналистом... Революція подняла много таких людей с низов, совѣтскій строй вывел их в люди. И они будут за него держаться, пока он им не станет поперек дороги.

Совѣтская литература любит изображать подобные характеры, их страшную и жуткую прошлую жизнь. Такова, например, Татьяна в «Энергии» Гладкова (ч. III, «Новый Мир», кн. 6). Сначала Каспійская ватага, мать в штанах среди мужской гольтьбы, рѣдко появляющийся отец, водка, побои до крови. Потом 19-й год, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка-бродяжка, член шайки безпривзорных в Астрахани. «В предмѣстьи, на другом берегу Волги, шла стрѣльба, и в городѣ тоже стрѣляли. Было много шинелей, вездѣ люди с винтовками, а бѣтъ было нечего»... Потом два года скитаній по Черноморскому побережью, воровство, убійство, защита собственной жизни собственным кулаком — словом, жизнь как в «естественном состояннн» Фомы Гоббеса — «война всѣх против всѣх» и «человѣкъ человѣку — волкъ»... И вот какая здѣсь выработалась философія жизни, по-видимому, не сочиненная автором, а списанная с натуры: «Поняла она здѣсь одно: каждый день — это борьба, а в борьбѣ нельзя теряться. Каждый шаг должен быть осмыслен, нельзя торопиться и метаться по-пусту. Как бы трудно и опасно не было, надо пересилить страх: страх — от оглушенія, от паники»... Ту же философію внушает ей и встрѣченный в вагонѣ красный офицер, по-видимому чекист: «Зубами вдѣлшсь в свою душу и даже в минуты отчаянія и безвыходности добейся полного спокойствія и невозмутимости. Это — неотразимо для людей. А люди все-таки склонны дрожать за свою шкуру. Для них свое логово дороже вселенной. Человѣкъ привык только к трем ничтожным измѣреніям, а безпредѣльные размахи міра повергают его в ужас. Добейся того, чтобы кровь и смерть не ранили твоей души». Жестокая философія, перешедшая через закон крови и страх смерти...

Сколько подобных людей, непогибших, а побѣдивших, в жизненной борьбѣ, выплыло на поверхность совѣтской жизни, сколько исповѣдуют ту жизненную философію, которая изложена выше... И в глубинѣ этой философіи, как ея высшая, затаенная истина, как ея послѣдній принцип, который всегда должен быть и теоретическим и практическим вмѣстѣ, мерцает один момент. пониманіе котораго дает многое для объясненія всего в СССР происходящаго. Среди звѣриной жизни, среди сотен

одичалыхъ существъ, разбойниковъ, убійцъ, насильниковъ и грабителей, Татьяна наталкивается на двухъ людей, которыхъ авторъ изображаетъ типами вполне положительными, джентельменами, даже совѣтскими «гуманстами» высокаго стиля. Это офицеръ-красноармеецъ Коробкинъ, и его другъ, чекистъ Шастикъ, строитель коммуны для безпризорныхъ на Украинѣ. «Что то пріятное, умное, задушевное было в этомъ человѣкѣ» — такъ описываетъ послѣдняго авторъ. «Онъ былъ похожъ на Коробкина, а чѣмъ — не могла сказать. Вѣроятно, — этой задушевностью и простотой. Знала она одно, что онъ очень хорошо понималъ ее и видѣлъ ее всю: онъ какъ будто обнималъ ея душу. И какъ тогда в вагонѣ она сразу повѣрила Коробкину, такъ теперь безъ борьбы и безъ всякой опаски отдала себя во власть Шастина». Поразительна эта вѣра совѣтскаго писателя в нравственную силу ЧК и ГПУ! Поразительна эта положительная оцѣнка отдачи своей души в чужія руки — в руки существа, горящаго «какой то чудесной силой» и «неотразимаго». Послѣдній принципъ, о которомъ мы говорили, сводится не къ личной свободѣ, но къ самоотдачѣ другому, къ отказу отъ самоопредѣленія. Хороши тѣ, кто умѣетъ «править» души и «править» душами, кто умѣетъ передѣлывать людей и управлять ими. «Совѣтскій бытъ, — говоритъ Дужницкій, — подхвативъ на лету падающихъ людей, ставитъ ихъ на ноги и учитъ неуклонному поступательному движенію». «Правежъ душъ» есть главное дѣло. Правежъ этотъ освящаетъ и грубое, жестокое принужденіе, превращаетъ чекиста в ангела. Такому умонастроенію соответствуетъ полное разочарованіе во внутренней культурѣ духа, в морали внутренняго совершенствованія. «В дни нашей молодости, — пишетъ Макаренко, — насъ призывали къ добру батюшки, о добрѣ писали философы, В. Соловьевъ посвятилъ добру толстую книгу. Несмотря на такое вниманіе къ этой темѣ, добро не успѣло сдѣлаться привычнымъ для людей, обыденнымъ предметомъ, и, собственно говоря, было только помѣхой къ хорошей работѣ и хорошему настроенію. Тамъ, гдѣ добро осыпало міръ своими мягкими крыльями, потухали улыбки, умирали энергія, остававливалась борьба, и у всѣхъ начинало сосать подъ ложечкой, а лица принимали скучно-кислое выраженіе. В мірѣ наступалъ безпорядокъ». В противоположность этому, стало бытъ, нуженъ порядокъ безъ добра, порядокъ энергетическій, хотя бы на ситѣ основанный, в борьбѣ безопадный, — порядокъ, который сталъ бы для людей обычнымъ, обыденнымъ предметомъ. Будетъ онъ, тогда и добро приложится.

В этой вѣрѣ в силу внѣшняго порядка и в цѣнность внѣшняго «правежа» душъ лежитъ послѣдняя духовная основа совѣтскаго этатизма и плѣненной государствомъ культуры.

V. ПРОБУЖДАЮЩИЕСЯ ПРОМЕТЕИ

Антиномична и парадоксальна современная русская жизнь и современная советская культура. Живя еще в безумии революционных страстей, в жестоком плъну вышедшего из них, ими созданного государства, которое в то же время перешло закон крови и страха смерти и пытается овладеть неукротенной стихией, культура эта открывает в то же время поразительные картины роста духовных потребностей человека, пробуждения жажды знания, чувства личности, ее цънности и достоинства... Если по внешнему облику казенный плъ современной Россii всего болъе напоминает Россiйскую имперiю времен Николая I (с той только оговоркой, что число эстетически николаевскiй стиль был выше и не доходил до сталинскаго «подхалимажа»), то своим культурным нутром он глубоко отличен от старой Россii, не схож с ней. В Николаевской Россii, в концъ концов, родилась наша гуманистическая культура 19-го вѣка. Здѣсь родилась наша классическая литература, наша критика, наша публицистика, наша философия и даже основы нашей революционной идеологии. Но носителем этой руссiйской культуры были незначительные верхи Имперii, тонкiй слой интеллигенци, вышедшей из помѣщичьяго класса и из духовенства. Теперь эта сокровищница культуры руссiйской стала достоянiем широчайших народных масс. «Надо отчетливо представить себѣ, — говорит В. Конторович, — как выросла в нашей странѣ роль художественной литературы в формировании сознания. Сколько читателей из народа насчитывала до революции художественная литература? — Немногiя тысячи человекъ. Сегодня художественная литература имѣет многомиллионную аудиторiю. «Правда» опубликовала итоги переписи рабочих металлистов в возрастѣ до 23 лѣт на металлургическихъ предприятияхъ юга. По даннымъ этой переписи, подавляющая часть рабочих в возрастѣ до 23 лѣт имѣет среднее образованiе, т.е. обладаетъ тѣмъ цензом, который в старой Россii считался критерiемъ образованнаго человека, интеллигента, естественнаго почитателя изящной словесности. В свѣтъ переписи понятен книжный голод, переживаемый страной, несмотря на огромные тиражи книг». (Лит. Соврем., № 6). При всем осторожном отношенiи къ советской статистикѣ и при не менѣе осторожном отношенiи къ советскому «среднему образованiю», которое безконечно уступаетъ старому, — все же нельзя отрицать правды, заключающейся в приведенныхъ словах. Памятники духовной культуры старой Россii становятся сейчасъ всенародными. И всенародно доступны тѣ идеи, которыя в рус-

ской литературѣ проповѣдывались — идеи, ничего общаго не имѣющія с тѣм, что большевики называют своим гуманизмом. Совѣтскій читатель не может не видѣть, что каждая строчка Толстого, Достоевскаго, Тургенева, Гончарова является осужденіемъ современнаго режима. Мало того, в современной Россіи переведены почти всѣ выдающіеся европейскіе классики литературы. Замѣтен культ классицизма, иногда даже преувеличенный... «Я считаю этих писателей — Бальзака, Золя, Толстого... вершинами, на которыя мы еще не взобрались, но на которыя нам придется взобраться» — читаем мы у Панферова. «Но мы всѣ вмѣстѣ в совѣтской литературѣ дѣлаем еще первые шаги, еще идем и покачиваемся, как дѣти, держимся за стул... Наши задачи заключаются в том, чтобы подняться на литературныя вершины, созданныя до нас великими художниками — и не только подняться, но и создать свои вершины, которыя бы стали мировыми литературными маяками». Параллельно с изыщной литературой возстаетъ постепенно культъ прошлаго, происходитъ широчайшая рецепція всего богатаго культурнаго наслѣдства. Изданіе такихъ памятниковъ, как «Слова о полку Игоревомъ», Русскихъ Былинъ, Словаря Русскаго языка Даля, книгъ о русскомъ дубкѣ, о русской древней литературѣ, появленіе статей, реабилитирующихъ русскую классическую живопись — Крамскога и Сурикова, русскую музыку (Глинка) — все это свидѣтельствуетъ о полномъ поворотѣ в тѣхъ настроеніяхъ, которыя привели к культурному погрому первыхъ лѣтъ большевизма. Старый разрушенный порядокъ перестаетъ быть уже просто «проклятымъ», в немъ открываются цѣнности, в немъ усматривается наличность добра. «Панферовъ долженъ не забывать, — говорилъ на обсужденіи его романа «Творчество» А. Фадѣевъ, — что даже отношенія в до-революціонной деревнѣ не были отношеніями только вражды воѣхъ ко всѣмъ, что отношенія любви, скажемъ, даже в до-революціонной деревнѣ, не были только отношеніями любви фізіологической. И в до-революціонной деревнѣ в отношеніяхъ тружениковъ между собою была, искаженная классовымъ угнетеніемъ, звѣриной кулацкой эксплуатаціей, междо-собственническимъ разобщеніемъ — своя **глубоко человѣческая сторона**, которую умѣли чувствовать лучшие представители русской классической литературы... Больше того, в какомъ то смыслѣ реабилитируется прошлое общечеловѣческое, вселенское. Другимъ языкомъ начинаютъ говорить о том, о чемъ раньше не было иныхъ словъ, кромѣ словъ презрѣнія и ненависти. Смотрите, какъ стали говорить о христіанствѣ — конечно, не в штампованной литературѣ союза божобожниковъ. «Когда я былъ в Италіи, мнѣ посчастливилось быть в комнатѣ Микель Анджело. Представьте себѣ огромный залъ, разрисованный вели-

ким художником. Темы картины — от сотворенія міра до «Страшнаго Суда». Картины по своей тематикѣ, как видите, весьма чужды нам. Но меня творчество Микель-Анжело потрясло, особенно его картина «Пришествіе Страшнаго Суда». Я до этого лривыкъ видѣть Христа (замѣтите, с большой буквы), нарисованным с нѣжными ручками, ножками, со скорбным видом страдальца; святых — таких же хлюпиков в вѣничках; грѣшников — рваных и грязных. А тут — никакой скорби, никакого смиренія. На самом верху, почти под потолком, сидит Христос. Это могучій человек, не только внутренне, но и физически. Он вскинул над собою руку, чуть повернулся к грѣшникам, и все его существо кричит: «убирайтесь от меня. Я с вами нахожусь в самой жестокой борьбѣ». Но и грѣшники не падают ниц. Они рвутся, они хотят занять другія мѣста». В параллель к этому нужно поставить строки, посвященные А. Зотовым и А. Лебедевым картинѣ Крамского «Христос в Пустынѣ» («Новый Мір», кн. 6). Это уже не ленинская ненависть и богохульство; это спокойное интеллигентское толкованіе, в котором нѣтъ ничего от воинствующаго безбожія большевиков.

Несмотря на все государственное давленіе, на жестокой государственной плѣн, культура продолжает быть непронзвольным продуктом жизни человеческого духа. Медленными, незамѣтными путями совершает она свое дѣло, помимо государственнаго регулированія и государственнаго плана. Кто знает, может быть даже она лукаво использует этот план в своих тайных дѣлах? Сейчас в Россіи наступает момент болѣе или менѣе открытой борьбы культуры с государством. И есть основаніе предположить, что или побѣдит культура — и тогда выживет государство; или побѣдит государство — но это будет Пирровой побѣдой: государство-побѣдитель зачахнет и умрет вмѣстѣ с культурой, которая слишком нѣжный цвѣток, чтобы выносить грубую государственную пяту.

Остается давно уже поставленная проблема «организации культуры». Жалобы на культурную анархію, на культурный разброд встрѣчаем мы уже у Сен-Симона и Ог. Конта. Ранній социализм является, в сущности говоря, ученіем не только об организации хозяйства, но и об организации культуры. Это видно из ученія Сен-Симона о «критических» и «органических» періодах историческаго развитія человечества. Французскіе пореволюціонеры 19-го вѣка вѣрили, что человечество вступает послѣ

революціонных бурь и «естественнаго права» в новый органическій період развитія культуры. На самом дѣлѣ оказалось, что «въѣ девятнадцатый желѣзный» былъ еще болѣе «критическимъ» и революціоннымъ, и великими потрясеніями открылся новый 20-й вѣкъ. Есть какіе то признаки, что вмѣстѣ с послѣдними революціями приходитъ къ концу и тот «мутаціонный» період человѣческой исторіи, который переживала доселѣ европейская культура, а с ней вмѣстѣ и весь земной шар, такъ какъ она стала всечеловѣческой, вселенской, что мѣръ входитъ в період организаціонный. Но одно можно сказать: опыты организаціи культуры при помощи государственно-принудительныхъ средствъ являются чисто отрицательными и неудачными. Не къ «органической» культурѣ приведутъ они в концѣ концовъ, но только къ дальнѣйшимъ потрясеніямъ и революціямъ. Если культура должна стать «органической», если долженъ быть преодоленъ современный культурный разбродъ, то сдѣлано это можетъ быть силами, стоящими выше государства. Государство всегда есть матерія, вѣншіи порядокъ, — институтъ хозяйственный и административный. Культура же — это человѣческій духъ, для котораго государство есть средство, а не самоцѣль. Организація культуры есть прежде всего организація духа, которая можетъ быть достигнута только духовными, внутренними, а не вѣншими пріемами и средствами.

Н. Н. АЛЕКСѢВ